

Когда Ким Селф-Пойнт еще был рядом, он смог сразиться за Чосонское знамя между маньчжурами и ханьцами.

Теперь, когда Ким Селф-Дот мертв, Знамя Чосун не имеет лидера и вновь сведено к настоящему пушечному мясу.

Не в первый раз за последние несколько дней маньчжурские солдаты резали и убивали корейских солдат в лагере.

После минуты молчания диктофон маньчжурского скота Чжан Гюн указал на кучу еды позади него и сказал: "Неужели некому есть эти деликатесы?".

Он сказал, что взял кусок мяса, засунул его себе в рот и откусил большой кусочек, жуя громче, чем свинья, поедающая еду.

Ниу Ло Чжан Гюн взял еще одну миску овощного супа, подул на нее, сделал глоток, как будто дегустировал вино, длинный ах, изображение очень преувеличено.

Понюхав аромат мяса и посмотрев прямую трансляцию, северокорейские солдаты, проголодавшиеся день и ночь, начали непрерывно глотать слюну, а некоторые из них не могли не двигаться вперед.

Ниу Лу Чжанцзин в очередной раз добавил драму, слова: "Пока это подарочный пакет, чтобы служить династии Цин, а не только эта еда, до следующей войны, тонна трубки полна!

Надо сказать, что эта запись крупного рогатого скота Чжан Цзин был очень хорош в маркетинге, время и война задержали его, и если бы его поместили в более поздний мир, то он, возможно, также мог бы быть замешан в платформе для прямого эфира в виде группового нейтизана или чего-то в этом роде.

"Я поем!"

Наконец, северокорейский солдат не смог выдержать искушения и решил забрать свою жизнь ча-ри.

"В любом случае, каждый раз, когда я сражаюсь, я в авангарде, так что я могу умереть в следующий раз. Лучше умереть рано или поздно, чем быть насыщенным призраком!"

Северокорейский солдат вышел вперед, чтобы присоединиться к линии ча-ри.

Один за другим люди продолжали идти вперед и образовывали длинную линию ча-ри, и даже Чхве Ньима был в очереди.

По размышлениям Трэя Нимы, даже если бы он не получил подарочную сумку, северокорейские солдаты к тому времени уже были бы на фронте, так что он мог бы несколько дней вкалывать, а потом подумать о том, как бы уйти.

Если ты не можешь выбраться, просто умри, ты находишься в хаотичном мире, и тебе не за что будет жить.

Китайское правительство хотело обеспечить снабжение войск и артиллерией.

Чтобы обеспечить лояльность солдат и пушечное мясо, Циньский суд долгое время промывал мозги корейцам, говоря, что армия была жестокой и никогда не оставляла пленных,

и что даже если они добровольно присоединятся к врагу, это будет тупик.

В этих условиях северокорейские солдаты, такие как Чхве Нимах, никогда не осмелились бы сдаться армии Мин, и даже были несколько враждебно настроены по отношению к ней.

Конечно, были и умные корейцы, но умные уже взяли на себя инициативу сдаться армии Мин в плен.

К счастью для Цуй Нимы, в этот раз собака Тартар действительно не лгала, а еда была обильной и вкусной!

Цуй Нима держал в руке большую миску с бульоном и кусочками мяса, а в руке - два больших пирожных.

Он перекусывал мясо и торт, и время от времени делал еще один глоток супа, с выражением лица, которое было еще более преувеличенным, чем у коровы, записывающей Чан Гюна.

"Какое облегчение! Так стоило бы каждый день так поесть, так вкусно пахнет!"

Быстро, Троица засунул последний кусок мяса ему в рот и пережевывал его.

Последний кусок мяса потреблялся дольше, чем его обычная еда.

В конце концов, Троица вытерла рот и отрыгнула, он посмотрел на чашу с кусочком супа еще в ней, и в духе расточительного стыда, он лизнул ее снова чистой.

.....

Чжу Ю Нэн не удалось убедить капитуляцию, и за несколько дней между двумя сторонами вспыхнуло несколько противостояний.

Армия Мин предварительно атаковала позиции армии Цин в разных направлениях, ища слабые места в обороне.

Армия Цин, с другой стороны, хотела вернуть Пик Мудана, и обе стороны провели несколько стычек, но ситуация оставалась в тупике.

Война между двумя странами ничем не отличалась от уличных боев в принципе: сначала они шевелили ртами, затем толкали и пихали друг друга, вступали в физический контакт.

Вероятно, эти две страны проверяли уровень друг друга, и так как огонь был разожжен во время теста, пришло время для настоящего.

В первый день марта пятьсот минометов из Северной столицы были перевезены на линию фронта Мин, открыв занавес на дуэли между Мин и Цин.

В начале часа огненное солнце медленно проходило сквозь тяжелые облака, слабое и ослепительное солнце, сквозь щели в облаках, сияющее на весь мир.

"Все записи о скоте собираются быстро, армия Мин атакует!"

По мере того, как звучала тревога, сопровождаемая несколькими выстрелами из пушек, длинная армейская линия Цин была заполнена криками.

Каждый флаг армии Цин был предупрежден, и один за другим из палатки выходили офицеры и солдаты, и даже Джил Харанг также был предупрежден на импровизированной платформе.

Он посмотрел далеко вперед и увидел море знамен, огромную пехотную кавалерию, десятки тысяч солдат династии Мин слились в одно острое строение и несли большое количество артиллерии перед строем.

На двух крыльях строя черно-белая кавалерия Мин дико бегала, подметая строй для китайской армии.

Глядя на море развевающихся флагов и бесконечных лошадей, генералы Восьми Знамений молчали, и все они видели одно предложение в глазах друг друга.

Судя по этому показу, армия Мин готовилась к дуэли!

Ядром армии Мин были десять тысяч прямых войск под контролем Мао Юань И и Ли Шао Ю, которые были армией Тянь У, оставшейся в Ляодуне.

Затем были две крупные столичные армии под контролем Чжу Юньнана и Чжоу Синьяо, которые вместе с армией Тяньву сформировали чрезвычайно великолепное кавалерийское формирование.

Подвижные монгольские солдаты, с другой стороны, были в авангарде строя, и они были готовы носить на себе вину и заслуги за потерю пика Пиона.

Мао Юань И взглянул на фронт формирования, и монголы разбрасывали перед ними густой ряд ракет, минометов и другого огромного оружия разрушения.

Ли Шаою оглянулся и немного побеспокоился: "Интересно, сможет ли эта огромная огневая мощь прорваться сквозь оборону армии Цин".

Руководитель департамента Улата Туба уверенно сказал: "Будьте уверены, митрополит-протектор, даже если его не взорвать, мои монгольские воины смогут прорвать в нем брешь и не опозорят нашу столицу Жанбея!".

Ли Шаою слегка кивнул и сказал: "Тогда будь осторожен и возвращайся в режим ожидания!".

"Да!"

Туба ответил на вызов и отправился на фронт с собственными войсками, только дожидаться, когда огонь артиллерийского батальона подавит его и приведет его войска к линиям Цин.

Мгновение спустя, на самом фронте поля боя, произошел всплеск аплодисментов.

"Да Мин Ван Шенг!"

"Мансенг!"

Во главе с Тубой группа монгольских солдат подняла оружие и выкрикивала самые знакомые лозунги армии Мин.

В одно мгновение крики бывших войск Мин были как подавляющая волна, крики были как

подавляющая волна, крики были как подавляющая волна, крики были как подавляющая волна, крики были как подавляющая волна, крики были как подавляющая волна, и крики были как подавляющая волна.

Для обеспечения безопасности Джир Харанг вернулся в Пхеньян, и некоторые из элитных лакеев полного Восьми Знамений быстро консолидировали свои силы.

Это была домашняя территория армии Цин, и восемь знаменных элитных солдат собирались за своими позициями, просто ожидая, когда армия Мин прорвётся сквозь слои порочных оборонительных линий, чтобы вырваться на лёгкий путь!

Князь Ду Фейанго попросил приказать: "Дядя король, армия Мин слишком глубоко в гневе, пусть мой племянник сражается, я обещаю победить высокомерие этих собак Мин обратно в мой желудок!".

Цзиль Харанг слегка покачал головой, он уже планировал эту битву, как он мог позволить этому отродью изменить ее несколькими словами.

Более того, этот парень, Фейанго, либо притворялся, либо хвастался, и он не мог поверить и половине своих слов.

Это праведное приглашение на войну было не более чем вежливой формальностью!

"Бум! Бряк! Бум!"

Артиллерийская позиция армии Мин с другой стороны вздрогнула, выпустив оглушительный огонь.

Многочисленные взрывы и дым мгновенно накрыли оборонительную линию армии Цин, наполнив ее большими слоями белого дыма.

Район вокруг первого окопа армии Цин был похож на гору цветов, поднимая облако грязи и дыма, из-за чего солдаты Восемизнамений уютно устроились в окопах, чтобы вырваться в холодный пот.

К счастью, на таком большом расстоянии снаряды Минга были крайне малы, и большая часть снарядов выпала за пределы окопов, некоторые из которых были заблокированы земляными стенами, и не нанесли большого урона войскам Восьми Знамений.

Однако, находясь в эпицентре артиллерийского огня, психологическое качество солдат было сильно проверено, и этот разделенный огненный удар, импульс Восемизнаменной армии был непосредственно подавлен, создав условия для штурма Армии Мин.

В глазах Джил Харанга вспыхнул блеск на городской башне, и он закричал: "Прикажите нашему артиллерийскому массиву, не двигаться поспешно, не стрелять, и ждать нападения пехотинцев армии Мин, прежде чем открыть огонь!"

Фейанго был ошеломлен, и в мгновение ока он понял, что имел в виду Зилхаран, старик теперь тоже играл грязно!

.....